

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВАХ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

© 2007 г.

И.Л. Сизова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sizovai@mail.ru

Поступила в редакцию 27.04.2007

Анализируются современные трансформационные процессы в государствах благосостояния, объединенных в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЕСД), консолидирующую развитие этих стран.

Развитие новых областей социологического знания – социологии социальной политики и социологии государства благосостояния – способствует росту исследовательского интереса к процессам изменений в реально существующих государствах благосостояния. Трансформационные процессы производят невероятные сдвиги в капиталистической системе. Наверное, нужно было распастся социалистическому строю и возникнуть жестким конфликтам в других регионах мира, чтобы наконец понять, что государства благосостояния находятся на пике внутрисистемной консолидации. Она происходит на уровне, превосходящем национальные границы отдельных стран, и тем самым обеспечивает стабильность сформированных структур в мировой системе координат. С нашей точки зрения, наиболее заметные смещения происходят в странах, объединенных Организацией экономического сотрудничества и развития.

В 1947 году при поддержке США и Канады была создана Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЕС), которая во всем мире была известна в связи с реализацией программы послевоенного восстановления Европы в рамках «плана Маршалла». Мало кто знает, что эта организация послевоенного времени и времени «холодной войны» оказалась на редкость жизнеспособной и не утратила своего значения, а со временем, преобразившись, расширила свой радиус действия и конкретизировала цели. С 1961 года она существует практически в своей современной форме – как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЕСД).

Общедоступные источники информации [1] объясняют историю трансформации Организации экономического сотрудничества и развития следующим образом. Во второй половине XX столетия некоторые капиталистические страны, воодушевленные

положительным опытом организации-предшественницы, старались наладить сотрудничество в рамках скоординированного хозяйственного развития и финансовой стабилизации, а также стремились к росту занятости и повышению жизненного стандарта населения. Эти цели и предпринимаемые политические действия, с одной стороны, были следствием влияния экономической теории Дж. М. Кейнса на капиталистические страны послевоенного времени, а с другой стороны, были обусловлены ростом значения социально-экономических оценок и экспертных рекомендаций в управленческих решениях. Эта вторая, оборотная сторона процесса развития транснациональной организации часто недооценивается. В исследовательских работах, упоминающих ОЕСД, в основном используются два рода понятий: «устаревшие» «автономия» – «диффузия»; и более современные «конвергенция» – «дивергенция». Поскольку эти процессы в целом сопровождают эволюцию ОЕСД и взаимосвязаны друг с другом, то есть смысл раскрыть их содержание последовательно, а не в противопоставлении друг другу, как это обычно принято.

1. «Автономия»: независимость оценок и суждений ОЕСД от любых национально-государственных взаимосвязей [2].

2. «Диффузия»: как особый статус «членства» в этой организации, который подразумевает, кроме прочего [3], наличие легитимного общего ресурса, обычно обозначаемого «государством благосостояния».

3. «Конвергенция» подразумевает возможность сравнения опытов политических действий, для того чтобы найти общие решения для схожих проблем, а также идентифицировать ценные практики. Таким образом, организуется форум, в котором существует давление со стороны равных партнеров по улучшению ситуации посредством т.н. «мягкого права» [4].

4. «Дивергенция» в рамках послевоенного развития выделяется в особый род деятельности

OECD – компаративное направление, которое позволяет исследовать результаты политических действий и стандартов качества во времени, и прежде всего в отношении стран – не членов [5].

В целом все четыре перечисленных процесса создают образ континуального развития определенного числа государств, образующих ядро современной OECD. Этот же аспект является условием длительного существования и неослабевающего со временем влияния самой организации. Однако в начале XXI века выросло количество стран-участниц, что, согласно одним объяснениям, стало следствием специфического «политического акта» [6], а в других интерпретациях является рациональной потребностью [7].

В результате эксперты OECD занимаются сценариями и экстраполяциями будущих обострений на основании оценки существующих положений. Сравнительный анализ государств OECD позволяет выяснить причины проблем и определить перспективы развития «внутри» организации, а также сопоставить возможности развития государств благосостояния с иными странами мира. В конечном итоге все предложения реформ OECD основаны на конкурирующих между собой теориях, которые к тому же выглядят наиболее предпочтительными для реализации на практике. Таким образом, можно констатировать откат от закрытой модели транснациональной организации государственности благосостояния, что долгое время кардинально отличало эту неправительственную организацию от всех других известных межнациональных форм сотрудничества, в пользу реализации принципа *hidden curriculum* (скрытой программы), т.е. передачи определенных культурных и социальных норм и ценностей [8, с. 259].

Консолидация государственности благосостояния не исключает значительных различий внутри системы. В современной компаративистике идентифицируются серьезные различия между странами. Например, возрастная структура в США в сравнении с

Европой и Японией выглядит беспроблемной. Если сравнивать налоги и сборы, то здесь, наоборот, есть больше поводов для дискуссий в США, чем, например, в Швеции. Инфляция и рецессия поначалу больше затронули Великобританию и Францию, но не Швецию или Германию. Германия первой провела реформы по экономии средств (политику консолидации расходов), тогда как Швеция приступила к подобным мероприятиям только в конце 1980-х гг. [9, 12–15]. Долгое время в научном анализе господствовали предположения о наличии различных оснований для возникновения специфических национально-государственных проблем в странах OECD. Однако нельзя автоматически подтвердить дальнейшее предположение о том, что различия инициировали относительно однообразные изменения государственности благосостояния во всех этих странах. Теперь в большей степени объясняет трансформацию каузальная интерпретация изменений государственности благосостояния, чем отдельные независимые варианты. В результате возникла центральная исследовательская перспектива, включающая проекцию конвергенции, которая в некоторых аспектах не похожа на образцы относительно спонтанно возникших социально-политических действий в конце XIX века. В рамках этого направления спрашивается: когда прервалась независимая динамика развития государственности благосостояния в различных странах OECD? Можно ли вести речь о перерождении независимых течений инноваций в одну самостоятельную инновацию в политике государственности благосостояния?

В процессе конструирования новой модели развития происходит нужный разрыв с «традиционным образцом» государственности благосостояния. Уже в 1990-е гг. фиксируются важные изменения в интеллектуальном климате оценки государственности благосостояния. В переломном 1994 году авторитетными международными организациями были опубликованы сразу три критических доклада о

Таблица 1

Государства – члены OECD в начале XXI века

Австралия	Польша*	Мексика*
Бельгия	Португалия	Швеция
Дания	Греция	Словакия*
Германия	Ирландия	Испания
Финляндия	Исландия*	Чехия*
Франция	Италия	Турция*
Новая Зеландия	Япония	Венгрия*
Нидерланды	Канада	Великобритания
Норвегия	Корея*	США
Австрия	Люксембург*	Швейцария

Источник: Die OECD in Zahlen und Fakten 2006: Wirtschaft, Umwelt, Gesellschaft. Sonderthema: Globalisierung der Wirtschaft. OECD Factbook, Paris 2006.

положении в государствах благосостояния. В США – доклад шведской комиссии А. Линдбека [10], в Париже – доклад OECD о труде [11] и доклад Всемирного банка и Чикагской школы – «Предупреждение кризиса старения» [12]. Эти работы стали исходным основанием для либерального переворота в оценке государственности благосостояния и способствовали росту популярности дискурса об искажении конкуренции в процветающих рыночных экономиках, усилении бедности и извращении трудовых стимулов у населения. Но наряду с либеральными ценностями развития в докладах были зафиксированы общие негативные изменения, затронувшие страны OECD.

К этим общим негативным изменениям относят:

— во-первых, ослабление суверенитета национальных государств. Причинами стали рекомендации, посылаемые национальным правительствам международными организациями (EU, OECD, NAFTA, ILO), которые способствовали открытию больших возможностей для роста конкурентоспособности рынков и одновременно ограничивали свободу действий власти. К тому же в национальных государствах зависимые профессиональные политики, получающие зарплату, больше реагируют на импульсы, исходящие от электората при принятии политических решений, с ориентацией на последующие выборы, поскольку боятся потерять мандат, место и вознаграждение;

— во-вторых, хозяйственная структура государств благосостояния характеризуется сниженной производительностью, особенно в секторе служебных услуг, и недостаточными процентами экономического роста. Недостаточные ресурсы ослабляют государство благосостояния и усиливают сопротивление дальнейшей политике перераспределения. Движение капитала ориентировано на принятие краткосрочных решений хозяйствующих субъектов, и функционирует он так же, как и политики, ориентирующиеся на выборный цикл. В результате работодатели не заинтересованы в поддержании солидарной системы оплаты труда, основанной на долгосрочном планировании зарплат, поскольку их трудно согласовать с производительностью труда, особенно в секторе низкой оплаты труда. Низкоквалифицированная занятость в индустриальном секторе переводится в страны «третьего мира», в которых наряду с неплохим образованием существенно более низкая оплата

труда, что особенно выгодно для производства товаров массового спроса. Сама жизнь в «родовой профессии» становится малопривлекательной в связи с нестабильностью занятости;

— в-третьих, гражданское общество в лице ассоциаций, церквей и профсоюзов, как традиционное окружение государства благосостояния, изменяется. Церковное влияние ослабляется, учащаются выходы из церковных общин. Падает влияние профсоюзных организаций из-за сложностей мобилизации занятых в секторе служебных услуг по сравнению с коллективизацией индустриальных рабочих. Членство в профсоюзах снизилось до 30% от общей занятости и продолжает снижаться, приближаясь к маргинальному американскому уровню [13, 3–33]. В партийной системе ситуация сравнивается с получением «теплого удара». Несмотря на то что социал-демократы завоевали в некоторых странах власть, они не смогли своими действиями (во власти и за пределами) опровергнуть тезис Р. Дарендорфа о «конце социал-демократического столетия» [14, с. 1021–1038];

— в-четвертых, ломается структура домохозяйств в связи с растущим участием людей в образовании и занятости, что уже привело к снижению рождаемости. Изменилось соотношение между возрастными когортами, которое дополняется увеличением продолжительности жизни. Более высокая продолжительность жизни женщин по сравнению с мужчинами осложняет жизненное положение женщин в старости (при одиноком проживании) и сказывается на росте домохозяйств с одним лицом (в Германии они составляют треть от общего количества домохозяйств, однако их число возрастает [15, с. 67]). Партнеры по браку вынуждены объединять семейные обязанности и профессиональную деятельность. Тем самым возрастает конфликтный потенциал в семьях, падает популярность браков, растет число разводов. По немецким данным, распадается каждый третий брак [16, с. 43]. Одновременно возрастает число родителей (в основном матерей), одиноко воспитывающих детей. Такие неполные семьи составляют шестую часть всех семей в Германии [17, с. 161]. Однако большая часть детей воспитываются в Германии пока еще в полных семьях (84%) [17, с. 164];

— в-пятых, практически все общества стремятся ограничивать миграцию. Но массивный приток эмигрантов в ближайшем

будущем невозможно будет снизить из-за спада материального благополучия в мире и большей зримости достижений государств благосостояния в условиях упрощения коммуникаций. Тем самым население гетерогенизируется, формы поселения этнически структурируются и легитимность государственного перераспределения между гетерогенными социальными группами серьезно осложняется.

Острейшей критике подвергается само государство благосостояния, которое, по некоторым данным, производит крупнейшие негативные эффекты. Все они условно дифференцируются на подгруппы:

— «государство благосостояния враждебно обществу, основанному на труде». Государство благосостояния здесь рассматривается как причина искажения конкуренции на рынке, оно ответственно за случаи возникновения «новой бедности» и групп «новых бедных» и исчерпание трудовых стимулов. Общим следствием становится снижение уровня благосостояния всех, а стремление равным образом поделить общие блага только уменьшают эти блага [15, с. 70]. Трансфертные платежи приводят к увеличению длительной безработицы и ментальным эффектам иждивенчества, одновременно разрушая стимулы к труду. В результате увеличивается стоимость фактора труда, который к тому же становится малопривлекательным как со стороны предложения, так и со стороны спроса (работодатели отказываются от дополнительного найма и покрывают нехватку рабочих мест за счет увеличения производительности труда. Доход в секторе низкооплачиваемого труда вообще стал похожим на пособие по бедности) [18];

— «государство благосостояния способствует дезинтеграции общества». Образуется новая форма господства, поскольку политика перераспределения направлена на стабилизацию политической власти элитами. Государство благосостояния является «платой» за поддержку электората [19, с. 338–361]. На этом основании теоретически конструируются новые неравенства, поскольку возникают привилегированные классы, например, «обеспечиваемый класс», «обеспечивающий класс»;

— «государство благосостояния изменило власть». Бюрократический аппарат устанавливает собственные правила и общественные формы поддержки, в результате этого эродировать потенциал самопомощи и ослабляется социальная интеграция и

общественная солидарность. В старых французских (традиции А. Токвилля и Э. Дюркгейма) и немецких (М. Вебера) социологических идеях государство благосостояния предстает в образе «планерщика и разлагателя общественных групп» [15, с. 72]. В немецкой социологии эта критика переросла в концепцию «колонизации жизненного мира». Вместо стимулирования социальной интеграции государство благосостояния фактически стимулирует дезинтеграцию жизненных взаимосвязей. Активное государство благосостояния вмешивается не только в рыночную экономику, но в частную жизнь граждан и тем самым деформирует общественные сферы жизненного мира. Эти сферы в результате находятся под давлением сразу с двух сторон: со стороны коммерциализации и со стороны бюрократизации. Ю. Хабермас считает, что такие коммуникативно структурируемые сферы деятельности, как семья, школа и университет, должны быть функционально необходимыми на основании ценностей, норм и договорных процессов, а не на основании правового управления на пути обобществления [20, с. 87–113];

— «государство благосостояния затрудняет легитимацию принимаемых решений». Пенсионная система и медицинское обеспечение становятся слишком затратными в процессе демографических и технологических изменений. На этом пути возникают два типичных следствия. Во-первых, выросли расходы на умиротворение «несогласных». Во-вторых, продолжает возрастать нагрузка на бизнес и налогоплательщиков. Все это способствует росту противостояния расширению государства благосостояния. Государство благосостояния, между тем, находится в поиске новых источников доходов, и это может привести к изъятию средств у низкодоходных групп населения [21].

В этой связи будущее государственности благосостояния рассматривается либо как будущие изменения государства благосостояния, либо как будущее без государства благосостояния. В результате поднимается волна нормативных изменений. Например, требования по усилению соревновательных возможностей государств благосостояния приводят к раскачиванию стабильных нормативных ценностей, что дополняется неубедительностью современной либеральной перестройки государств благосостояния, поскольку имеется негативный опыт побочных эффектов либерализации

хозяйства как в самих государствах благосостояния, так и за его пределами (процесс перестройки бывших социалистических обществ). «Неолиберализм» как нормативная концепция негативно анонсируется не только в фельетонах, но и в уличных боях антиглобалистов Ванкувера, Давоса и Цюриха [22]. Не меньше либерализма критикуется «кейнсианский проект государства благосостояния». В качестве замены предлагается обновленная модель – «шумпетерианское государство благосостояния». Принципиально новым элементом является здесь освобождение рыночных сил, однако, не обозначенных программой *laissez faire* [23]. Государство остается достаточно сильным, для того чтобы иметь возможность наводить и поддерживать порядок. Социальные функции такого государства сводятся к созданию системы безопасности человеческого капитала, который размещается в конкурентной среде. В политической повседневной риторике эта позиция выражается в требованиях минимизации услуг и претензий к государству, с одной стороны, а с другой – больше конкуренции и контроля.

Постепенно перегруппировываются интересы, их вес и значение в процессе трансформации государства благосостояния. Центр тяжести в отношениях «старых» классовых интересов сместился в сторону капитала, и за отсутствием легитимного нормативного канала управления социальными изменениями все основные участники перестройки – клиенты (или «обеспечиваемый класс»), оференты и корпоративные акторы управления (социальные партнеры) – становятся основными причинами блокады реформ. «Идеи и интересы определяют действия людей. Поэтому если отсутствуют идеи, способные мобилизовать массы, то непропорционально сильное влияние оказывают интересы» [24, с. 94].

Эмпирические оценки трансформации государства благосостояния немногочисленны и затрагивают только некоторые наиболее дискуссионные темы.

1. Возрастание расходов государства благосостояния и снижение трудовых стимулов [25, с. 535–569]. По имеющимся данным, увеличение затрат на фактор труда корректирует планы бизнесменов по найму, поскольку низкая продуктивность труда в секторе низких зарплат рассматривается как неприбыльная. Международное сравнительное исследование, проведенное исследователями

кельнского института им. М. Планка показало, что в континентально-европейских государствах благосостояния проблемы занятости напрямую связаны с высокими социальными вкладами и высокими налогами на доходы при низкой дифференциации зарплат [26]. Причем проблемы с занятостью охватывают не столько производительный индустриальный сектор, включенный в международную конкурентную среду, сколько менее производительный сектор служебных услуг, поскольку сами услуги этого сектора пока что только локально производятся и потребляются. Увеличение налоговой нагрузки потребителей этих служебных услуг (за счет налога на добавленную стоимость) не может стать выходом из ситуации, поскольку спрос на эти услуги напрямую зависит от цен на них [26]. Особенно высоки значения корреляции в ISIC-6 (по данной международной классификации трудовой деятельности, шестой сектор включает труд в области производства и предоставления служебных услуг).

2. Эмпирические анализы последствий реализации широких социальных программ – «потребительства» со стороны клиентов и сверхрасходов государства – противоречивы [15, с. 75]. В основном непоследовательные результаты связаны с господствующими теоретическими противоречиями о том, что общее снижение уровня предоставляемых зарплат вызовет положительный эффект на уровне первичного распределения (в рыночной экономике). С одной стороны, снижение трудовых доходов вынудит больше работать, чтобы компенсировать потерю в заработках, с другой стороны, есть мнения, что многие попытаются заменить работу досугом, который имеет относительную ценность. В современной социологии господствует мнение, что на трудовые стимулы воздействуют не только налоги, но еще и социальные нормы, а также иные факторы. И только в совместном применении множества взаимодействующих факторов можно достигать эффективных результатов [15, с. 75].

3. Способ жизни безработных и получателей социальной помощи исследуется социологами не слишком часто. В основном в эмпирических исследованиях сравниваются степени неравенства и бедности в государствах благосостояния. В настоящее время доминирует вывод, что государство благосостояния, несмотря на свой рост, не смогло ограничить бедность и снизить степень социального неравенства. Эта позиция характерна прежде всего для ученых из США [27, с. 79]. В

Германии усилилась относительная бедность по доходам после 1973 года и одновременно повысилась степень социального неравенства доходов [28, с. 5]. Однако результаты исследований не расцениваются как неспособность государства благосостояния достигать своих целей. В основном считается, что «растущие тенденции поляризации в обществе требуют увеличения государственных компенсаций, которые могут только частично решать проблему, но ни в коем случае не должны рассматриваться как неэффективные» [15, с. 77]. По данным Й. Альбера, в странах с высокими социальными расходами, существует низкая степень относительной бедности по доходам (Бельгия, Норвегия, Нидерланды, Франция, Германия, Дания, Финляндия, Швеция), и, наоборот, при незначительных социальных расходах относительная бедность по доходам растет (США, Австралия, Великобритания, Италия). В целом взаимосвязь между социальными расходами и снижением бедности считается в эмпирическом анализе проверенной и статистически характерной.

4. Обследование систем социального страхования социологами показало, что в рамках страхования достигнута значительная эгалитаризация доходов населения. Например, при анализе немецкой системы пенсионного страхования выявляется эгалитаризация доходов пожилых людей, что является своего рода «парадоксом перераспределения» обеспечения по старости [29, с. 661–687]. Хотя пенсии по старости в странах с пенсионным страхованием основаны на принципе справедливости услуг, т.е. соотносятся с трудовыми доходами, но, тем не менее, они более выравненные. В настоящее время и для групп с высокими доходами законодательное пенсионное страхование становится все более привлекательным и все чаще неэгалитаризованные частные и производственные пенсии вытесняются с рынка пенсионных услуг. Этот факт объясняется тем, что государственное страхование предлагает доступные по цене и качеству услуги.

5. Много замечаний есть по поводу позитивной корреляции между хозяйственным ростом и улучшением положения бедных, что нивелирует в целом значение государства благосостояния в современном обществе. Проверкой данного положения занимаются в основном экономисты. В настоящее время развивается обратное утверждение, согласно которому не существует какой-то одной преимущественной стратегии развития (хозяйственный рост versus

государственное обеспечение). Например, А. Сен приходит к выводу, что «экономический рост не может являться основанием для решений в области продвижения по службе или защиты жизненного стандарта» [30, с. 14]. В других работах утверждается, что неимущие еще больше нищают в ситуации динамичного роста хозяйства и увеличения среднестатистического уровня доходов [15, с. 82]. Правда, в качестве примеров приводятся данные о развитии стран «третьего мира». В одном из регионов Индии (Керала) при заметно более низком уровне доходов населения, чем в среднем по Индии, центральные индикаторы благосостояния являются лучшими в национальном масштабе – по уровню питания, образования и здоровья, поскольку экономический прогресс заслоняется значительными государственными направлениями. Сами индийцы считают этот регион коммунистическим штатом.

6. В эмпирических исследованиях выявляется отрицательная корреляция между квотой занятости и квотой бедности в государствах благосостояния [15, с. 102 (график 3), с. 104 (график 5)]. Поэтому сверхпопулярный в настоящее время курс активизации занятости и трудовых стимулов не сократит бедность и не сдержит неравенство в группах по доходам. Результаты сравнительного анализа 1980–1990-х гг. указывают, что прирост занятости может сопровождаться даже растущей квотой относительной бедности [15, с. 105 (график 6)], в первую очередь потому, что в этот временной период прирост занятости осуществлялся главным образом за счет низкооплачиваемого сектора [15, с. 106 (график 7)].

7. Мобильность рабочей силы стала также предметом внимания социологов. В сравнительном исследовании, проведенном OECD [11], в Дании и Швеции только 10% занятых остаются в низкооплачиваемом секторе через пять лет после принятия на работу, тогда как в США и Великобритании в неизменной позиции низкооплачиваемых работников остается третья часть занятых. Но с конца 1990-х гг. США захватывают лидерские позиции по занятости и увеличению доходов малоквалифицированной рабочей силы [31, с. 585–600]. Американский успех объясняется двойной политической стратегией, а не только процветанием хозяйства или сменой парадигм (welfare на workfare) [15, с. 90]. Новая реформа благосостояния в США 1989–1998 гг. упразднила старые программы помощи для нуждающихся домохозяйств и ограничила пятью годами новые услуги помощи, которые

теперь связываются с программами занятости и повышением уровня образования, а также значительным повышением минимальной оплаты труда. В результате труд, объединенный с налоговыми льготами для лиц, получающих низкий доход (Earned Income Credit), имеет дополнительную привлекательность. Однако остается не ясным, какое влияние оказала новая стратегия на социальные отношения. Отмена старой программы поддержки семей AFDC (Aid for Families with Dependent Children), которая защищала матерей, одиноко воспитывающих детей, привела к быстрому росту занятости этих женщин. В исследованиях остается без ответа вопрос, какие последствия оказала возросшая занятость матерей на семейную жизнь и развитие детей [15, с. 91].

В качестве основных векторов трансформационных процессов в государствах благосостояния называют [32, с. 27–40]:

1. Асимметричную конвергенцию. Современные условия развития способствуют сближению одного типа режима государственности благосостояния с другими. Здесь теоретически возможны два варианта.

1а. Во-первых, конвергенция в рамках либеральной модели. Государства благосостояния с традиционно высокими квотами социальных расходов вынуждены под давлением глобальных хозяйственных взаимосвязей и растущей конкуренции между хозяйственными режимами снижать налогообложение для того, чтобы привлекать иностранные инвестиции и делать благоприятными факторы размещения производств. Пониженные финансовые возможности государства являются основанием для ограничения расходов и соответственно приближают христианско-социальный (германский) и социал-демократический (скандинавский) типы государственности благосостояния к низкозатратной американской модели.

1б. Во-вторых, возможна конвергенция в сторону наиболее развитых государств благосостояния, поскольку существует мнение о том, что открытые народные хозяйства имеют склонность к построению мощного государства благосостояния. В соответствии с классическим экономическим постулатом, основной задачей государства является предоставление компенсаций для «проигравших» на рынке для того, чтобы вообще легитимировать свободную торговлю, поскольку польза от свободного рынка в перспективе превосходит стоимость компенсаций. Таким образом, развитое государство благосостояния становится

необходимым условием для внешней хозяйственной открытости страны. Поэтому чем больше государство включается в международные хозяйственные взаимосвязи и зависит от них, тем сильнее выражена асимметричная конвергенция в сторону образования развитого государства благосостояния.

2. Симметричную конвергенцию. Предположение о симметричной конвергенции базируется на комбинации двух вариантов асимметричной конвергенции. Развитое государство благосостояния хотя бы частично теряет свою налоговую автономию и из-за этого вынуждено вводить социально-политические ограничения. Либеральные государства благосостояния, наоборот, должны расширять государственные направления деятельности для того, чтобы сделать свою экономику политически и экономически открытой для мирового рынка.

3. Регрессивную спираль. Развитие государства благосостояния в условиях глобализации вынуждены предпринимать попытки ограничивать направления деятельности, что, например, в рамках Евросоюза или объединения США, Канады и Мексики (NAFTA) негативно отражается на странах с менее развитой композицией государственности благосостояния. Одновременно сами ограничения в развитии государственности благосостояния, со своей стороны, нагнетают проблемы. В результате формируется вид регрессивной спирали развития. В значительной степени здесь идет речь о развитии варианта 1а.

4. Продавливание дивергенции. Сама глобализация не оказывает влияния на композицию государственности благосостояния. Государства благосостояния ни в коем случае не должны жертвовать идеями социальной справедливости в угоду неолиберализму. В теории капитализма считается, что разнообразие форм капиталистического развития способствует формированию специфических институциональных преимуществ в соревновательном процессе, которые посредством глобализации имеют свойство усиливаться.

Список литературы и примечания

1. Organisation für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. Berlin Centre. <http://www.oecd.org>; Schmidt, M.G. Ursachen und Folgen wohlfahrtsstaatlicher Politik: Ein internationaler

Vergleich. In: Schmidt M.G. (Hg.). *Wohlfahrtsstaatliche Politik: Institutionen, politischer Prozess und Leistungsprofil*. Opladen: Leske+Budrich, 2001.

2. McNeely, C. *Constructing the Nation State. International Organization and Prescriptive Action* / C. McNeely. – Westport, CT: Greenwood Press, 1995.

3. В официальном положении о «членстве» в организации OECD указывается, что она объединяет группу стран-единомышленников. Эта идея времен «холодной войны» предполагает, что страна-участница придерживается принципов рыночной экономики и плюралистической демократии. (Organisation für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung, Berlin Centre. <http://www.oecd.org>).

4. Этим термином обозначаются различные международные рекомендации и кодексы, которые противопоставляются «жесткому праву» внутригосударственных правовых норм.

5. Компаративная деятельность OECD в отношении стран – не членов является относительно новой. Только в последние годы включаются в сравнительные статистические, экономические и социальные обзоры данные о сотне развитых и пороговых стран, в том числе и РФ. См. например: *Die OECD in Zahlen und Fakten 2006: Wirtschaft, Umwelt, Gesellschaft. Sonderthema: Globalisierung der Wirtschaft*. OECD Factbook. – Paris, 2006.

6. Обычно связывают процесс увеличения числа членов организации с глобальными изменениями, в результате которых расширяется радиус деятельности OECD.

7. Рациональная потребность в расширении OECD обосновывается марксистски-ориентированными «экономизированными» причинами. Включение новых участников вызвано не столько потребностями в увеличении средств межправительственной организации (взносов расширенного состава участников), сколько продажей технологий в виде готовых рецептов. Считается, что пока «открытые» для продажи продукты организации будут лучшими, они будут являться стандартом для всех прочих. Таким образом, образуется сеть связей для продвижения своей продукции. И если продукт превращается в общий стандарт, то в соответствии с теорией «растущей отдачи от масштаба», рынок замыкается на нем. Тем самым стабилизируются технологии и осуществляется контроль над рынком. Поскольку использование технологий на рынках не удается контролировать с помощью патентов, то превращение своей продукции в открытый стандарт становится наиболее выгодным решением. Это порождает устойчивость, поскольку рынок организуется вокруг стандартов, установленных лидером. Ключевые технологии, лежащие в основе открытых стандартов, приносят прибыль господствующим игрокам, которые их контролируют.

8. Strang, D. *The International Labor Organization and the Welfare Markets. European Welfare Policy*. Hounds mill / D. Strang, P. Chang. – New York: Macmillan/St. Martin's Press, 1993.

9. Hasse, R. *Die Neuausrichtung der Wohlfahrtspolitik: Transnational abgestimmt und organisatorisch vermittelt* / R. Hasse // In: Allmendinger, J. (Hg.). *Entstaatlichung und soziale Sicherheit*. Verhandlung des 31. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in Leipzig 2002. Opladen: Leske+Budrich, 2002.

10. Lindbeck, A. *Turning Sweden Around* / A. Lindbeck, P. Molander, T. Persson, O. Petersson, A. Sandmo, B. Swedenborg, N. Thygeson. *Turning*. – Cambridge: MIT Press, 1994.

11. OECD: *The OECD Jobs Study*. – Paris: OECD. 1994. 3 Bd.

12. World Bank: *Averting the Old Age Crisis. Policies to Protect the Old and Promote Growth*. – New York: Oxford University Press, 1994.

13. Visser, J. *Die Mitgliederentwicklung der westeuropäischen Gewerkschaften. Trends und Konjunkturen 1920-1983* / J. Visser // In: *Journal für Sozialforschung*. 26/1985.

14. Dahrendorf, R. *Das Elend der Sozialdemokratie* / R. Dahrendorf // In: *Merkur*. 41 (12)/1987.

15. Alber, J. *Hat sich der Wohlfahrtsstaat als soziale Ordnung bewährt?* In: K.U. Mayer (Hg.). *Die beste aller Welten? Marktliberalismus versus Wohlfahrtsstaat* / J. Alber. – Frankfurt–New York: Campus, 2001.

16. *Statistisches Bundesamt. Datenreport 1999*. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2000.

17. Bäcker, G. *Sozialpolitik und soziale Lage in Deutschland* / G. Bäcker, R. Bispinck, K. Hofemann, G. Naegele. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 2000.

18. *Zukunftskommission der Friedrich-Ebert-Stiftung. Wirtschaftliche Leistungsfähigkeit, sozialer Zusammenhalt, ökologische Nachhaltigkeit. Drei Ziele – ein Weg*. – Bonn: Dietz, 1998.

19. Bauer, R. *Jenseits der egoistischen Ökonomie und des methodologischen Individualismus: Die Potentiale des intermediären Bereichs* / R. Bauer, K. Grenzdörffer // In: *Leviathan*. 25/1997.

20. Хабермас, Ю. *Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии. Политические работы* / Ю. Хабермас. – М.: Праксис, 2005.

21. Pierson, P. *Post-industrial Pressures on the mature Welfare States*. In: P. Pierson (Hg.). *The new politics of the welfare state*. – Oxford: Oxford University Press, 2000.

22. Bourdieu, P. *Gegenfeuer. Wortmeldungen im Dienste des Widerstands gegen neoliberale Invasion* / P. Bourdieu. – Konstanz: UVK, 1998.

23. Обычно этим термином обозначают состояние, которое не подлежит контролю или регулированию. Применяется термин не только в связи с деятельностью государства, но и по широкому кругу вопросов.

24. Leisering, *Paradigmen sozialer Gerechtigkeit. Normative Diskurse im Umbau des Sozialstaats*. In: S. Leibig, H. Lengfeld, S. Mau (Hrsg.). *Verteilungsprobleme und Gerechtigkeit in modernen Gesellschaften*. Frankfurt. – New York: Campus, 2004.

25. Alber, J. Sozialstaat und Arbeitsmarkt: Produzieren kontinentaleuropäischen Wohlfahrtsstaaten typische Beschäftigungsmuster? / J. Alber // Gleichzeitig eine Abhandlung über einige Probleme komparativer statistischer Analyse. In: *Leviathan*, 28/2000.
26. Scharpf, F. The Adjustment of National Employment and Social Policy to Economic Internationalization / In: F. Scharpf, V. Schmidt (Hg.). *From Vulnerability to Competitiveness: Welfare and Work in the Open Economy*. – Oxford: University Press, 2000.
27. Janowitz, M. *Social Control of the Welfare State* / M. Janowitz. – New York: Elsevier, 1976.
28. Hauser, R. Die Entwicklung der Einkommensverteilung und der Einkommensarmut in den alten und neuen Bundesländern / R. Hauser // In: *Aus Politik und Zeitgeschichte*. B18/1999.
29. Korpi, W. The Paradox of Redistribution and Strategies of Equality: Welfare State Institutions, Inequality, and Poverty in the Western Countries / W. Korpi, J. Palme // In: *American Sociological Review*. 63/1998.
30. Ahmad, E. *Social Security in Developing Countries* / E. Ahmad, J. Dreze, J. Hills, A. Sen. – Oxford: Clarendon Press, 1991.
31. Werner, H. Die Arbeitsmarktentwicklung in den USA – Lehren für uns? / H. Werner // In: *Mitteilungen aus der Arbeitsmarkt – und berufsforschung*. 30(3)/1997.
32. Seeleib-Kaiser, M. Globalisierung, Sozialpolitik und Solidarität: In: U. Filipic (Hg.) *Neoliberalismus und Globalisierung Herausforderungen für Sozialpolitik und Demokratie. Dokumentation der Tagung «Neoliberalismus und Globalisierung: Auseinandersetzungen – Herausforderungen»*, AK-Bildungszentrum Wien, 6. Juni 2005.

TRANSFORMATION PROCESSES IN WELFARE STATES

I.L. Sizova

Modern transformation processes in welfare states that are members of OECD are analysed.